

Не люблю я попаданцев. Вздорные и часто неадекватные ребята. Все. Как на подвор. Что-то с ними происходит в момент перемещения. Вот и этот, с вытаращенными глазами высунувшийся из безмянного тупика, наверняка не лучше. Осторожно трогает каменную кладку развалин, из которых вынырнул. Да настоящие они, настоящие. С тринадцатого что ли века остались. В семнадцатом городскую стену уже разбирать местные жители начали. Только эту руину крепости и оставили на память почему-то. Наверное, козни гепатогена. А с тех пор, как из нее попаданцы начали сквозь время прыгать, постарался я, чтобы пролом решеткой закрыли. Хотя туда из местных особенно никто и не заглядывает — тупик он и есть тупик. Современников эта нехитрая преграда почему-то останавливает, а вот с той стороны и лезут, и лезут...

Тем временем попаданец сквозь решетку протиснулся, озирается. На лице все эмоции сразу. Еще бы! Шел в комнату — попал в другую.

Ого, какие мы сообразительные! К киоску «Союзпечати» пошел. Газетки изучает, даты читает. Ну, добро пожаловать в 1965-й. Страна Советов уверенно движется вперед в развитой социализм. В честь близящегося полувекового юбилея Великого Октября трудящиеся страны засыпают в закрома Родины все, что собрали в битве за урожай. Уверенно идущие навстречу XXIII съезду КПСС, советские люди строят новую жизнь. У меня вообще все отлично, самые радужные планы на семейное счастье. В отпуск собрался. А этот приперся, пугать будет темным будущим... или светлым прошлым? Ну вот, увидел мою вывеску с синей буквой, вокруг которой вертится спутник. Побелел, оглянулся, зашагал. Постучался и замер: что там, за дверь? Я вылезаю из-за стеллажей и спешу на крыльцо клуба.

— Здравствуйте-здоровствуйте, — киваю я. — Вы приезжий?

— Да-да, — отзывается гость и, сбиваясь, лопочет что-то насчет «отстал от поезда... вышел погулять» — в общем, сочиняет на ходу. Однако хорошо соображает, пытается подстроиться под эпоху. Таким попаданцам сознание обычно подсовывает содержание многочисленной лоточной макулатуры и почерпнутые из нее рецепты действий.

— Голодный наверняка? — проявляю я проницательность дальше. — Есть чай. Индийский. Тот самый, со слонем.

Он соглашается. Пока наливается кипяток в густую заварку, озирается с интересом:

— А что тут у вас?

— Тут у нас Дом культуры, дверь с той стороны. А мы — клуб любителей фантастики «Портал». Фантастическое название, да. Сейчас, знаете ли, модным стал этот жанр. Коллекционируем фантастику, устраиваем школьникам и студентам встречи с местными и московскими авторами. До столицы на электричке пара часов, писатели с удовольствием приезжают, рассказывают много интересного... Библиотека современной пока невелика, но мы и классику советскую и зарубежную собираем.

Попаданец расслабленно кивает, большими глотками пьет горячий чай, берет в руки только что изданный сборник «Фантастика-64» с автографом братьев Стругацких, с интересом листает.

— Ого, Стругацкие! — бормочет он. — Чего здесь только нет!

— Ну чего-то и нет, — говорю я деловито. — Мы находимся только в начале большого пути. Не все жанры представлены. Фэнтези нет. «Хроники Амбера» только в планах Железны. Сергей Лукьяненко еще не родился. Про попаданцев пока никто не пишет.

Все-таки в неподходящий момент я это сказал. Книжка, которую Аркадий Натанович подписал на прошлой неделе и лично вручил мне, падает, чай обильно проливается на костюм гостя и на книжку.

— Что вы сказали?

— Из какого года? — интересуюсь я.

Гость делает несколько жадных глотков воздуха и выдавливает:

— Из 2015-го.

— Ого! — говорю я. — Ну и как там, яблони на Марсе? Цветут уже?

— Нн-нет... Там пока только роботы гуляют.

— Да вы присаживайтесь, — великодушно указываю гостю на кресло под зеленой лампой. — У нас еще в запасе четырнадцать минут.

— До чего?

— До закрытия портала. Послушайте, мне неловко это говорить, но вы очень нестати. Сегодня — день, когда открывается портал и потом целый месяц — тишина и покой... Через четверть часа он начнет закрываться, пульсировать, в него лучше не соваться... мало ли куда кривая выведет. Вы успеете вернуться назад. Я могу даже вам книжку с автографом Стругацкого на память подарить... все равно чаем залили. А он мне новую подпишет.

Гость вжимается в кресло и сдавленно спрашивает:

— Кто вы?

— Замдиректора Дома культуры. Иванов моя фамилия. Вас как в портал занесло?

Гость долго молчит, переваривая свое разоблачение. Потом смущенно признается:

— По нужде... большой... А там развилка... Ну я все сделал и забыл, откуда вошел.

— Мда, никакой торжественности. В прошлое — в заляпанных сандалиях...

Гость с испугом смотрит на обувь. Туфли чистые.

— Не вы первый, — поясняю я. — Но в основном так туда попадают все. Исключительно бегом, и, в основном, поворачивают налево, вместо того, чтобы вернуться. Думаю, была бы дама, повернула бы направо. Лично познакомилась бы с футуристами и поэтами Серебряного века.

Гость моргает и открывает рот, чтобы задать очередной вопрос, но я опережаю:

— Этот фрагмент древней крепостной стены на берегу Оки — так называемый перекресток времени. С шагом в пятьдесят лет. Вы из 2015-го попали в 1965, можно попасть в 1915-й, как раз в гости к Сологубу, молодому Маяковскому, Ахматовой. А я тут вроде сторожа самозваного. Как про портал в иное время узнал, так и начал сторожить. Встречаю гостя, чаем напою, наслушаюсь всякого и отправляю обратно...

— А если я не захочу? — возмущается попаданец. — Может быть, у меня другие планы!

— И какие? — вежливо интересуюсь, зная заранее ответ.

— О-ооо! Я расскажу о грядущих катастрофах и предупрежу их. Мы первыми прилетим на Луну! Поддержу реформы Косыгина и мы догоним и перегоним Америку! Расскажу о мобильной связи и компьютерах!

И он порывается залезть в карман и что-то продемонстрировать, но я решительным жестом останавливаю его — всякое повидал и послушал, меня трудно удивить артефактами ближайшего столетия.

— Тогда я вам дам трешку на электричку до Москвы и прямо сейчас езжайте на здоровье спасать Россию.

Попаданец снова в ступоре:

— Вы мне не верите? Зачем гоните меня?

— Вас как зовут?

— Семен Семенович.

— Эх, Семен Семенович! Я же вам сказал, что вы не первый попаданец. Поверьте, я очень хорошо знаю все эти ваши штучки.

Допустим, вы поедете в Москву изменять историю. Без знания сути этой самой истории. На основании чтыва из популярных статей и макулатурных книжек, написанных неучами и нездоровыми людьми, которые продвигают свой взгляд на историю в меру своего ума и рассудка. Там вы попадетесь, и остаток жизни будете общаться с компетентными органами... или сразу с психиатрами.

— Почему сразу с ними? — шепчет попаданец.

Меня такой диалог всегда быстро утомляет, но роль надо играть до конца.

— Семен Семенович, — проникновенно говорю я, — Если вы со своими идеями и знаниями поедете в Москву во властные кабинеты, это кончится ничем в любом из трех случаев.

В первом вам просто не поверят, и свои оставшиеся дни вы проведете в психушке. Или в тюрьме. Например, за клевету на государственных деятелей или за покушение на них же. Были тут уже ходоки — рвались придушить то какого-то Меченого, то неведомого «алкаша Борьку». Хотя, такие «во всем виноватые» обычно работают кочегарами на паровозе, летящем к тупику, а о роли машинистов, проектировщиков, путеукладчиков и прочих все почему-то забывают. Да и пассажиры тоже бывают разные...

Во втором вам поверят, но ничего не случится. История — махина, движение которой изменить можно, стукнув в нужном месте в нужное время. Только почему вам-то знать это место и время? Я вот, например, в этом веке такого не знаю. Кому вы будете нужны в чужой для вас эпохе с преждевременными и о-о-очень поверхностными знаниями?

В третьем, допустим, вам поверят, СССР раньше американцев высадится на Луну. И что? История изменится не так уж и сильно. Про новый ход событий вы ничего не знаете. И снова — кому вы станете нужны со своими знаниями о несбывшемся будущем?

Гость моргает, учащенно дышит, и я пытаюсь предупредить его вопли о роли его личности в истории:

— Семен Семенович, возвращайтесь назад. Я не только вам добра желаю, но и себе. Именно поэтому я изобразил на вывеске символ, понятный вашим современникам, чтобы сразу шли ко мне и были отправлены восвояси. Нашему клубу совершенно не нужна слава прибежища шизофреников, нам не нужно внимание компетентных органов. Я хочу спокойно жить и работать, читать фантастику, беседовать с ее авто-

рами и поклонниками, присутствовать при рождении новых книг. Впереди — пара десятилетий интересной и спокойной жизни, которой я просто хочу наслаждаться. А завтра мы всей семьей вообще на курорт уезжаем. Зачем вы мне тут нужны? Я приятно говорю?

— Кто вы такой, чтобы мне...

— Я обычный человек,— делаю последнюю попытку успокоить возбужденного попаданца.— Родился во время войны. Здесь, на этой самой улице. Тяжелое детство, в общем, сами понимаете... Я в Москве учился в университете, там начитался умных книг, в том числе об истории. Знаю, что обычный человек может, а что нет. Потом распределился сюда, устроился в Дом культуры, мне выделили жилплощадь. Женюсь, ращу детей. И только попаданцы мешают спокойно жить...

— Вы не понимаете величие момента! — кричит Семен Семенович и начинает мне плакаться в жилетку. Рассказывать о тяжелой судьбе простого ИТРа в двадцать первом веке. Собрать бы членов нашего клуба послушать его плач. Сказали бы: «какой-то мрачный фантаст, несоветский». — Вдумайтесь только, скольких жертв избежала бы Россия, если бы меня пустили в Кремль с докладом. Это моя судьба! Я никуда не вернусь! Я изменю судьбу России!

Я смотрю на часы. Сейчас начнется трансформация. Ну что ж, дорогуша, ты сам к этому стремился. Диалоги с людьми в погонах и штатском по поводу странных субъектов, которые получают от меня трешку на проезд и напутствием «скатертью дорога», мне очень не нравятся. Особенно если долго копить на отдых в Гаграх.

— Послушайте, помните, я сказал о том, что надо знать, в какое место и когда стукнуть историю? Вы уверены, что это надо делать в 1965-м, а не раньше?

Семен Семенович на секунду задумывается и его осеняет:

— Я вас понял! Шаг поргала пятьдесят лет! Вы предлагаете мне перенестись в 1915-й?! Как я сразу не догадался! Менять историю надо было тогда! Покажите мне путь! Я знаю, что сделать, чтобы...

Его глаза горят жаждой прямо сейчас отправиться громить большевиков, или наоборот, возглавить их организацию. Если человек хочет утонуть в страшном водовороте событий, где он даже не песчинка, а молекула, я всегда готов помочь...

Уже перед входом Семен Семенович вдруг спохватывается:

— А как же постулат причинности?

Нет, ну не зануда ли? Эксперт по попаданцам и путешественникам во времени... Только с таким багажом сумбура к монархам или революционерам в советники и записываться.

— Вы боитесь нечаянно убить своего дедушку? Не бойтесь. Вспомните Писание: «Что было — то и будет».

Кажется, он так и не понял сказанного. Ну, я искренне старался ему помочь.

Из тупика подул ветер. Конечно, ведь «тупика попаданцев» и не существовало в этот момент. А был большой светлый коридор. Впереди сиял Серебряный век, направо — век Интернета.

Не везет, так не везет. Я всегда ждал от попаданцев чего-то большего. Вот появится человек, с которым будет нескучно жить в прошлом и размышлять о будущем, об истории, ее гримасах и поворотах. Увы, меня окружает слишком мало настоящего интересных мне собеседников, да и то их большинство — местные фантасты. Здравомыслящего визитера удалось встретить только однажды. Этот явно не из таких. Час назад он бродил по моему будущему, и все мысли сводились к тому, что ему негде было справить нужду, а сейчас он в своем прошлом оперирует идеями вселенского масштаба... и такой же глупости.

— Семен Семенович, а чем вам не нравится менять настоящее, которое вы знаете лучше, чем прошлое? Уж там-то вы точно понимаете, куда нажать.

Он смотрит на меня диким взглядом.

— Ну хорошо,— примирительно киваю я,— Вы никогда не думали, что, попав в прошлое, можно не только мир спасти, но и просто жить? Комфортно жить и умело использовать свое тайное знание? Понимать, что ни черта не можешь изменить в истории... Или, напротив, страшиться своих возможностей... но сидеть тихо-тихо. И готовить к будущему своих детей.

Он дергается и почти кричит:

— Вы же сами говорили про трудное детство, про войну, так вот я иду, чтобы у вас никакой войны не было!

И этот романтик-книголюб бежит вперед, в прошлое. В 1915-й, спасти Россию. А на самом-то деле — сгинуть под колесницей времени, с наивной надеждой что-то сделать по-своему, когда все уже было исторически предопределено.

Впереди полыхает видение дома в викторианском стиле. Справа — все тот же город, с бетонными коробками и щетиной тарелок спутникового телевидения. Слева мерещится дом в тысячу этажей. Точно мерещится — в той стороне все надежно завалено грудой обломков, сквозь которые уже пробивается трава. Вспышка — и все. Сквозняк исчез. Портал снова закрыт на целый месяц. Попаданца больше нет, а я остался в теплом летнем вечере 1965-го года. Развалины старой крепости. Дыра в стене, проломанные ступени. Позади — газетный киоск старого городка, видевшего нашествия, набеги и даже зарождение русской цивилизации. Пожелтевшие и покосившиеся под грузом лет домики... Во дворах одних высятся старые голубятни, хотя скоро эта мода окончательно уйдет в историю. На крышах других уже торчат антенны — радиолюбители пока довольствуются «морзянкой», но мечтают об эпохе всепланетной видеосвязи. Отбрасывая длинные тени, по дорогам, еще не знающим асфальта, идут с работы душевные и немного наивные люди, которые говорят одно, подразумевают второе, думают третье и движутся по светлой дороге в грядущее, которой не видно конца. Мир, в котором я дома...

Я возвращаюсь в свой поскрипывающий половицами, еще долгие годы готовый простоять домик. В детской комнате гвалт — вот кому все равно, в каком времени жить.

— Опять попаданец? — констатирует жена.— И опять возвращаться в свое настоящее отказался?

Я киваю. Я устал. Не только сейчас, а вообще. Устал ежемесячно заниматься морализаторством и убеждать в очевидном шагающих через портал. Но кто-то должен это делать, чтобы поток безумцев из других времен не превысил критическую массу, когда на спокойную жизнь снова не будет надежды. Они не так уж безобидны. Мало ли кого и на что надоумят их рассказы...

В окошке слышится гул пролетающего самолета. Жена инстинктивно вжимает голову в плечи, перед ее глазами явно проносятся обрывки вбитых в детстве инструкций вроде «Поведение населения при угрозе гравитационного нападения противника».

— Трусишка,— смеюсь я над ней.— Боевые антигравилеты еще не изобрели.

А, может, и не изобретут, пока у этого тупика я вразумляю попаданцев?